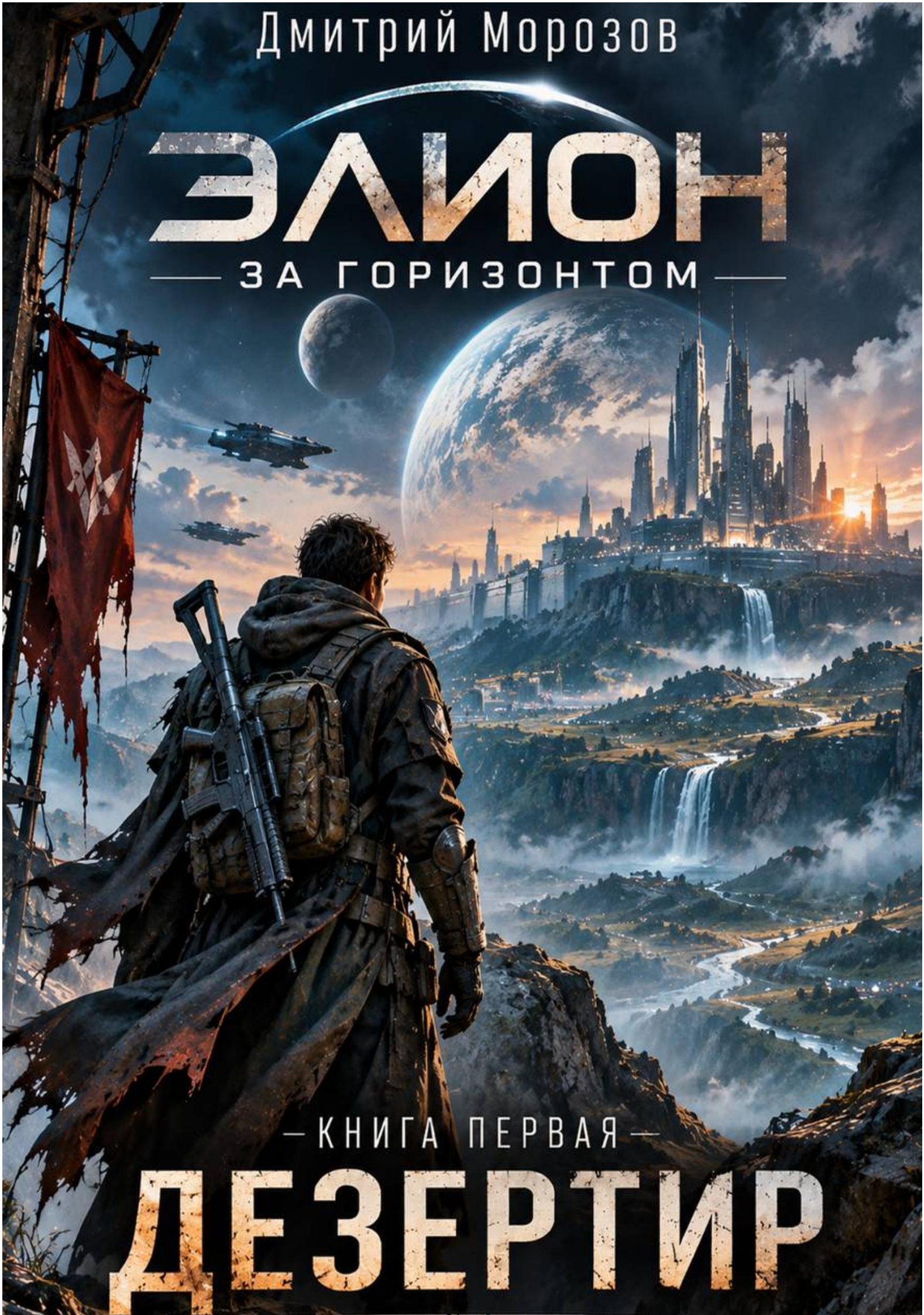

Дмитрий Морозов
ЭЛИОН
ЗА ГОРИЗОНТОМ
КНИГА ПЕРВАЯ
ДЕЗЕРТИР

Дмитрий Морозов

Элион. За горизонтом. Дезертир

«Автор»
2026

Морозов Д.

Элион. За горизонтом. Дезертир / Д. Морозов — «Автор», 2026

Мир Элиона — огромная цивилизация, разделённая границами, политическими противоречиями и бесконечной борьбой за власть. Здесь возводят величественные города, создают невероятные технологии и отправляют тысячи людей на войны, смысл которых давно перестали понимать.Кай вырос в Нижнем Кальдере, среди заводского дыма, стальных башен и улиц, над которыми почти не видно неба. Когда приходит приказ о мобилизации, его привычная жизнь заканчивается. Впереди — восточный фронт, откуда возвращаются далеко не все.Но встреча с тайнами прошлого меняет всё. Заброшенный комплекс, исчезнувший батальон и старая фотография отца становятся началом пути, который приведёт Кая и его товарищей к выбору между долгом и свободой.Чтобы обрести право на собственную жизнь, им придётся нарушить приказ и стать дезертирами.Первая книга научно-фантастического цикла «Элион. За горизонтом» - истории о войне, дружбе, свободе и цене, которую приходится платить за право выбирать свою судьбу.

© Морозов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горизонт, которого не было 5
Глава 2. Список 9
Глава 3. До вечера 12
Глава 4. Терминал 17
Глава 5. Номер вместо имени 22
Глава 6. Белый свет 25
Глава 7. Оружие 28
Глава 8. Учебный город 32
Глава 9. Голос из дома 35
Глава 10. Машины войны 38
Глава 11. Приказ 41
Глава 12. Восточный коридор 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Дмитрий Морозов
Элион. За горизонтом. Дезертир

Глава 1. Горизонт, которого не было

В Нижнем Кальдере не было горизонта.

Из окна на двадцать третьем этаже Кай видел бок соседней башни, грузовую эстакаду и трубы теплового контура. Дальше, за промежутком между домами, тянулся заводской мост. Утром над ним появлялась полоска неба. К полудню её закрывал пар.

Лет в девять Кай нашёл на учебном терминале фотографию равнины. Земля на ней уходила до самого неба, и нигде не было здания, за которым мог бы продолжаться вид. Он спросил мать, где она заканчивается.

Лиара сначала рассмеялась, а потом присела возле экрана.

— Нигде. Просто однажды между тобой и небом ничего не остаётся.

Кай увеличил фотографию. Терминал разбил дальнюю полоску на квадраты, но ничего за ней не показал.

Теперь ему было двадцать четыре. Иногда после смены он поднимался на технический этаж башни, откуда было видно поверх соседних крыш. Там шумели вытяжные установки, пахло нагретой пылью, а на запад всё равно стояли дома. На двери висело объявление о штрафе за пребывание без допуска. Кай каждый раз закрывал её за собой.

В то утро стена задрожала в 05:41, за несколько секунд до будильника. По нижней магистрали шёл состав. В кухонном шкафу звякнула посуда; коротко стукнула дверца, которую Кай всё собирался отрегулировать. Он лежал, пока гул не ушёл под следующий квартал. Потом включились заводские турбины.

На стуле лежала рабочая форма, под ним — нечищеные ботинки. Из кухни пахло кофе. Кай выключил будильник раньше, чем тот успел зазвонить.

Лиара стояла у окна в тёмно-синей форме распределительной станции. Она вернулась с ночной смены и даже не сняла пропуск. Держала кружку обеими руками, большим пальцем прикрывая белый шрам у основания правой кисти. За последний год в её волосах прибавилось седины. Кай потянулся к шкафу за второй кружкой.

— Ты бы легла.

— Сейчас лягу.

Так она отвечала и вчера. Он открыл холодильный блок: белковый концентрат, две порции каши, контейнер с настоящими помидорами.

— Даже не начинай, — сказала Лиара.

— Что?

— Спрашивать, сколько они стоили.

Кай достал контейнер. На прозрачной крышке выступили капли.

— Мы что-то празднуем?

— Двадцать седьмое. Премию мне выплатили.

Он нашёл нож, разрезал помидор и положил половину ей на тарелку. Мать посмотрела на неё, потом на него. Возражать не стала. На доске остался сок; Кай собрал его коркой хлеба.

Информационный экран включился вместе с дневным тарифом. Ведущая рассказывала о стабилизации Восточного сектора. За её плечом бронемашины двигались вдоль зелёного поля. Следующим кадром показали Верхний Кальдер: каналы, столики под деревьями, женщину, которая остановилась посреди улицы поправить ребёнку шапку. Никто не пытался её обойти.

Лиара убавила звук.

— Вчера было тактическое выравнивание, — сказала она.

— Что?

— На востоке. Вчера так называли.

В международной сводке появился представитель Аргалийского Союза. Под строкой о нейтралитете шли кадры переговоров. Кай больше знал об аргалийских насосах, чем об их политике: один стоял на старой промывочной линии, и к нему никак не удавалось найти подходящие уплотнения.

— У нас вчера двоих забрали, — сказал он. — Со сборки.

Лиара перестала размешивать кофе.

— В резерв. Кроу говорит, временно. Одному сорок два, другому тридцать восемь.

— Тебе ничего не приходило?

Кай покачал головой.

— На терминал посмотри.

Он отодвинул тарелку, открыл уведомления. Оплата жилья, перенос доставки фильтров, приглашение подтвердить рабочую смену. Повернул экран к матери.

— Видишь?

Она не взяла терминал.

— А проверка категории? Медицинских данных?

— Нет. Мам, что случилось?

Лиара положила ложку рядом с кружкой. В углублении на столешнице осталось немного кофе.

— На станции предупреждали о проверках. Я хотела узнать, не пришло ли тебе.

— О каких проверках?

— Сейчас всё перепроверяют.

Кай подождал. Мать потянулась за тряпкой и вытерла стол. Он закрыл уведомления. До смены оставалось меньше часа, а разговор упёрся в знакомое место: дальше Лиара либо начинала сердиться, либо говорила, что устала.

Перед выходом он нашёл перчатки на стиральном блоке. Правую мать зашила красной ниткой. Вчера возле большого пальца разошлась ткань; теперь края стягивали неровные плотные стежки. Кай просунул руку, несколько раз сжал кулак. Шов немного тянул.

— На складе новые есть.

— Возьмёшь новые — эти останутся запасными.

Лиара подошла поправить воротник его куртки. Кай хотел сказать, что застегнул его сам, но заметил, как она прижимает пальцами край ткани.

— После смены сразу домой.

— Я Мерсу обещал регулятор посмотреть.

— Сначала домой. Пожалуйста.

Он посмотрел на неё.

— Хорошо.

В лифтовом холле горела красная надпись о ремонте. Кай толкнул дверь лестницы.

На семнадцатом этаже Мерс уже вынес складной стул и сидел у батареи. Рядом лежал снятый кожух регулятора.

— Ты вечером не забудешь?

Кай присел, потрогал трубу. Едва тёплая. В щели под кожухом дрожал незакреплённый провод.

— Не включай на полную. Я сначала домой, потом зайду.

— Я и так в куртке сплю.

— Знаю. Только не трогай контакты. Здесь напряжение.

Он поставил кожух вертикально, чтобы тот не загородил проход, и пошёл вниз. На одиннадцатом две девочки искали браслет допуска: одна плакала, другая выворачивала карманы её сумки. На пятом из приоткрытой двери пекарни тянуло жареным тестом. Леста, увидев Кая, показала на часы. Он поднял руку: помню, спешу.

У выходного турникета браслет не сработал сразу. Рамка загорелась жёлтым.

«ПРОВЕРКА СТАТУСА».

Кай убрал руку и приложил снова.

— Да держи ты спокойно, — сказали сзади.

Зелёный сигнал загорелся прежде, чем он успел ответить. За рамкой Кай отошёл к стене, пропуская очередь, и открыл терминал. Гражданская категория — без изменений. Медицинский статус — в норме. Трудовой допуск активен.

Он ещё раз провёл пальцем вниз по списку. Ничего нового не появилось.

Подвесной поезд подошёл переполненным. Кай встал у двери между мокрым плащом коммунальщика и тележкой с инструментами. Над головами пассажиров улыбались солдаты. Подпись называла их добровольцами производственного сектора. Звук был выключен, и губы молодого парня в центре кадра двигались под скрип колёс на повороте.

Между двумя башнями на мгновение открылся вид на окраину: пустырь, опоры линии, дальние корпуса. Кай наклонился к стеклу, но поезд нырнул между цехами.

У заводских шкафчиков его ждал Илан с кружкой в руке. Он был на год старше, длиннорукий и худой; застёжка на его куртке опять заела на груди.

— Сорок секунд, — сказал он.

— Что?

— Опоздал. Я считал.

Кай взял у него кружку и сделал глоток. Кофе обжёг язык, оставив вкус пережаренного зерна.

— У Кроу взял?

— Он всё равно остудил бы.

— Он знает?

Илан наконец застегнул куртку и потянул кружку обратно.

Третий пресс стоял с открытой сервисной панелью. Кроу ждал рядом, водя пальцем по графику давления. За его спиной под ритмичный грохот работали остальные машины.

— Семь процентов, — сказал мастер.

— Вчера было четыре.

— Ночная смена заменила датчик. Теперь семь.

Кай заглянул в панель. Новый датчик блестел среди потемневших соединений. Провод к нему уходил за гидравлический блок, где на изоляции виднелась светлая полоса.

— Сначала привод обесточьте.

— Линия уже стоит. Илан — на диагностике. Два часа, Рейн. Потом начальство придёт спрашивать.

Кроу выдал ему блокировочный ключ. Кай проверил рубильник привода, вставил ключ в личный замок и только тогда опустился возле люка.

У дальних ворот двое в серой форме разговаривали с начальником смены. Один держал планшет. Начальник показывал в сторону ремонтного участка, но Кроу шагнул между ними и что-то сказал. Военный посмотрел на свой экран.

Илан тоже следил за ними. Кружку он поставил на пол.

— Проверка? — спросил Кай.

— Не знаю.

Мастер вернулся, не глядя на них.

— Работайте.

Под прессом было жарко. Кай упёрся плечом в кожух, закрепил фонарь и протянул руку к кабелю. Красный шов на перчатке зацепился за кромку. Он осторожно высвободил нитку.

Изоляция оказалась перетёрта почти до жилы. Кай проследил провод выше: крепёжная скоба лопнула, и кабель на каждом ходе тёрся о корпус. Он вынул обломок, положил на ладонь и позвал Илана.

— Смотри. Датчик они зря меняли.

Друг присел возле люка. Из-за его плеча Кай видел только полоску цеха и серые брючины у центрального терминала.

Глава 2. Список

Кабель пришлось протягивать через узкий промежуток между трубой и корпусом. Кай отвёл его от острой кромки, поставил новую скобу и попросил ключ на двенадцать. Илан подал отвёртку.

— Ты на меня смотришь или туда?

— Держи.

На этот раз в люк вошёл нужный ключ. Кай затянул крепление, потянул за провод. Тот остался на месте.

— Питание датчика можно вернуть. Привод не трогай.

Щёлкнул рубильник. На диагностике загорелись числа.

— Шестьдесят два, — сказал Илан.

— И механический?

— Столько же.

Кай выключил фонарь. В темноте под машиной ещё несколько секунд стояло светлое пятно от лампы.

— Всё. Снимай. Закроем — можно запускать.

Илан не ответил. Кай подождал, потом снова включил фонарь.

У люка появился Кроу.

— Вылезайте оба.

— Сейчас кожух поставлю.

— Оставь. Другие закроют.

Кай протиснулся наружу и сел на бетон, выпрямляя затёкшую ногу. Мастер уже отвернулся к Илану. Тот стоял возле терминала и крутил в руках тонкий диагностический щуп.

— Куда? — спросил Кай.

Кроу показал на центральный проход.

Там собралось человек двадцать. Пожилой наладчик держал снятые очки за дужку; молодой рабочий со сборки без конца проводил пальцем по браслету. За ними продолжала ходить линия. От каждого удара пресса Кай чувствовал под подошвами короткую дрожь.

Один из военных проверил их идентификаторы. На планшете возле имени Кая появилась отметка.

— Тебя утром на выходе задержали? — тихо спросил Кай у Илана.

— Жёлтый горел.

— Долго?

— Пару секунд. А что?

Кай посмотрел на свой браслет. Под ним на коже осталась полоска масла.

Военный представился лейтенантом Равелем и попросил подойти ближе: из-за машин было плохо слышно. Кто-то не понял просьбу; Равель повторил громче, не меняя выражения лица.

Он сообщил о дополнительном мобилизационном наборе. Потом начал читать имена и номера идентификаторов.

На первой фамилии наладчик надел очки. На третьей рабочий со сборки поднял руку, но офицер продолжал читать. Кай слушал номера. Они были длиннее имён; после каждого Равель делал паузу, ожидая сигнала планшета.

— Варн, Илан Соренович.

Щуп в пальцах Илана перестал двигаться. Кай повернулся к нему.

— Рейн, Кай Элдарович.

Следовавшие за именем цифры он пропустил. Попытался вспомнить собственный номер, хотя знал его со школы. Равель уже называл следующего.

— Повторите, — сказал Кай.

Офицер посмотрел на него.

— Идентификатор предъявляли?

— Да.

— Вам придёт предписание.

Кай кивнул. На перчатке возле красного шва темнело масло. Он провёл большим пальцем по указательному, оставив ещё одно пятно.

— У меня двое детей, — заговорил рабочий со сборки. — И категория «Б».

Равель поднял на него глаза.

— Она допускает службу в обеспечивающих подразделениях. Распределение после комиссии.

— Я комиссию проходил. Осенью.

— Будет повторная.

— А отказ?

Офицер перестал водить пальцем по экрану.

— При отказе ваш статус изменят в соответствии с военным законодательством.

Рабочий открыл рот, но стоявший рядом мужчина взял его за локоть. Оба посмотрели на солдата у выхода. Тот не приближался — стоял, прислонившись к ограждению, с ремнём оружия на плече.

Терминал Кая завибрировал. Предписание открылось поверх рабочего допуска.

Явка в 18:00. Восточный военный терминал. Личные вещи общей массой до двенадцати килограммов. Документ, удостоверяющий личность. Медицинские сведения передаются автоматически.

Он прокрутил до конца, потом вернулся вверх. Срока службы не было. Места назначения тоже.

— У тебя написано, куда? — спросил он.

Илан протянул свой терминал. Такой же текст, другой номер.

— Может, инженерам отдельная очередь, — сказал он. — С инструментами быстрее упакуют.

Кай посмотрел на него. Улыбки не было. Илан обхватил запястье другой рукой, прижал к животу.

Равель объяснял порядок явки. Кай сохранил предписание, проверил время. До шести оставался почти весь день, но с момента, когда он прочитал цифры, часы на терминале будто начали отсчитывать что-то другое.

Кроу дождался окончания инструктажа и отвёл их к инструментальному складу. Здесь было тише. На крюке висела чужая куртка; из приоткрытого ящика торчали упаковки уплотнителей для аргалийского насоса. Их всё-таки привезли.

— Я подал на вас как на критических специалистов, — сказал мастер. — Отказали.

— На обоих? — спросил Илан.

Кроу кивнул.

— В техническую часть можно? — Кай убрал перчатки за пояс. — У меня разряд, допуск к тяжёлой линии. Это же должно учитываться.

— Запрос отправил. Копии квалификации приложил.

— Когда ответят?

Мастер провёл рукой по лицу.

— Не знаю.

Кай смотрел на упаковки в ящике. Вчера он потратил полсмены, объясняя снабжению, почему уплотнители от другого насоса не подойдут. Хотелось сказать Кроу: вот, пришли; можно поставить после обеда.

— На терминале не спорьте, — добавил мастер. — И не опаздывайте. Даже если тут что-нибудь обещают, всё равно приходите к шести.

— Ты так говоришь… — начал Илан и замолчал.

— Племянника три недели назад отправили. Вчера сестре уведомление пришло. Транспорт под удар попал, до части не добрались.

Со стороны линии раздался звонок. Кроу посмотрел туда, но остался с ними. Кай хотел спросить, сколько лет было племяннику. Не спросил.

Через некоторое время мастер сказал:

— Вещи соберите. Пропуска сдать перед уходом. Я подпишу.

Возле верстака стояла кружка Илана. Он допил холодный кофе и понёс её к мойке. Кай открыл шкафчик, вытащил запасную рубашку, зарядник и маленькую коробку с личными инструментами. На полке лежали новые перчатки. Он взял их, повертел, положил обратно. Старую правую натянул на руку и большим пальцем разгладил шов.

У пресса другой ремонтник ставил кожух.

Кай подошёл показать, где закрепил кабель. Тот посветил внутрь, кивнул и спросил, снимал ли Кай свой замок.

Кай проверил карман. Ключ был у него. Пришлось вернуться к рубильнику, открыть замок и забрать его вместе с биркой. На ней белыми буквами было выведено: «РЕЙН К. Э.».

Пока он шёл к шкафчику, пресс запустили. Первый удар вышел сдвоенным, пробным; второй прозвучал как обычно.

Глава 3. До вечера

Пропуска у них забрали в 11:20. Начальник смены поставил подпись на ведомости и сообщил, что мобилизованные освобождаются от работы для подготовки к службе. Кай убрал документ в карман. На рукаве осталась чистая прямоугольная полоса от снятого заводского знака.

За проходной Илан остановился.

— У входа встретимся? Без десяти шесть.

— Давай раньше. Без четверти.

— Хорошо.

Он всё ещё держал диагностический щуп. Заметил взгляд Кая, сунул его в нагрудный карман.

— Верну потом.

Они пожали руки, хотя утром никогда так не делали. Илан пошёл к своей линии. Кай дождался, пока он скроется за остановочным навесом, и достал терминал. Открыл контакт матери.

На экране появилась её фотография. Он нажал вызов.

Лиара ответила сразу.

— Кай?

Он слышал знакомый шум вентиляции в кухне.

— Я домой еду.

Пауза длилась недолго.

— Когда явка?

— В шесть.

— Хорошо. Я дома.

Вызов закончился. Кай стоял у ограждения, пока толчок в плечо не заставил его посторониться: рабочие со второй смены спешили к рамкам.

Внизу их башни Леста продавала выпечку прямо из окна. Перед ней тянулась очередь. Кай прошёл было мимо, но услышал своё имя.

Она оставила покупателя с протянутыми деньгами, вышла в коридор. На переднике белели следы муки.

— Ты чего не на работе?

Он показал уведомление. Леста поднесла экран ближе к глазам.

— Сегодня?

— В шесть.

Женщина вернула терминал и ушла за прилавок. Кай решил, что разговор окончен. Уже на лестнице она догнала его со свёртком.

— Сыр. В дорогу.

— Леста, не надо.

— Убери, уроню сейчас.

Он взял свёрток. Сквозь бумагу проступало тёмное пятно.

— Вернёшься — рассчитаемся, — сказала она.

Из окна её звали. Леста обернулась, крикнула, что идёт, и снова посмотрела на Кая.

— Лиара знает?

— Позвонил.

— Иди к ней.

На семнадцатом Мерса не было. Регулятор лежал под стулом, чтобы никто не задел. Кай постоял возле двери старика, потом поднялся дальше. С каждым пролётом сыр в руке казался тяжелее.

Лиара открыла до звонка. Всё в той же форме, только пропуск лежал на тумбочке. Из кухни пахло супом.

— Разувайся. Поешь сначала.

Кай поставил коробку с инструментами на пол.

— Ты знала?

Мать отошла к плите.

— Мне пришло служебное уведомление. Расширяют набор по нашим секторам.

— Когда?

— Ночью.

Кай остановился в дверях кухни.

— А утром ты спрашивала про терминал.

— Фамилий у меня не было.

— Но ты ждала.

Лиара повернула ручку нагревателя. Щёлкнула защита; она повернула ещё раз, хотя лампочка уже загорелась.

— Я надеялась, что тебя не возьмут. У тебя допуск, завод. Я думала…

Она сняла крышку с кастрюли. Пар закрыл ей лицо. Кай почувствовал злость — на то, что она стояла утром возле окна, знала, зашивала ему перчатку и всё равно ничего не сказала.

— Могла предупредить.

— Могла.

Он приготовился спорить, но мать не стала оправдываться. Положила половник, взялась за край плиты. Кай увидел, как мелко дрожит рукав у её запястья.

Он сел.

Лиара налила суп, поставила перед ним. Он рассказал про Равеля, двенадцать килограммов, повторную комиссию. О том, как Кроу пытался их оставить. Мать слушала, не перебивая, и только на имени Илана подняла глаза.

— Вместе?

— В одном списке. Дальше не знаю.

— Это уже хорошо.

Кай опустил ложку в суп.

— Нас могут в техническую часть. Я на машинах работаю, он диагност. Не отправят же нас просто…

Он замолчал. Мать не помогла закончить.

— Ты бы хоть сказала что-нибудь.

— Что именно?

— Не знаю. Что Кроу ответят. Что комиссия…

Лиара села напротив.

— Когда Элдар уехал, мне было тридцать три. Мне тоже говорили: специалист, государственный объект, всё организовано. Потом принесли бумагу. Сейчас мне сорок семь. Я не умею тебя успокоить, Кай.

Он потянулся через стол, накрыл её руку своей. Кожа была холодной.

Несколько минут они сидели молча. Суп перестал парить. Кай попробовал ложку, проглотил, почти не почувствовав вкуса.

— Я позвоню, как приедем, — сказал он. — Если разрешат. Ты хотя бы будешь знать, где я.

Мать кивнула.

— Отец хотя бы сам успел вернуться.

Её пальцы дёрнулись под его ладонью.

Кай поднял голову.

— Когда?

Лиара смотрела на тарелку.

— Мам. Когда он вернулся?

— Я не хотела сейчас…

— Ты сказала, что он погиб в экспедиции.

Она высвободила руку, отнесла кружку к мойке. Вода ударила в керамику. Лиара держала кружку под струёй, пока та не переполнилась.

Кай встал и закрыл кран.

Мать отступила к окну. В соседней башне рабочий спускал по тросу наружный светильник; тот медленно поворачивался над пустотой. Кай следил за ним, чтобы не торопить Лиару. Пальцы у него были мокрыми. Он вытер их о брюки.

— За одиннадцать дней до уведомления, — сказала она. — Ночью. Ты спал. Я услышала ключ, решила, что ошиблась. Он же должен был оставаться на объекте до конца работ.

— Он был ранен?

Лиара обернулась.

— Почему ты спросил?

— Ты сказала «успел».

Она провела ладонью по своему предплечью, от запястья к локтю.

— Здесь ожог. Бровь разбита. Куртка чужая, без карманов. Он не разрешил вызвать врача. Я нашла старую мазь, бинтовала. Он всё спрашивал, не выходил ли ты на лестницу один.

Кай посмотрел в прихожую. Оттуда, от двери, виден был угол его детской комнаты. Сейчас там стоял шкаф с инструментами.

— Он что-то рассказал?

— Я спрашивала. Он сказал, что тогда придётся отвечать не только ему.

— А ты поверила?

Лиара медленно кивнула.

— Утром пришли двое. Я не услышала сигнала регистрации, только стук. Они стояли здесь, возле обуви. Один всё смотрел на дверь твоей комнаты. Элдар спросил, может ли проститься.

Кай сжал мокрый край кармана.

— И они позволили?

— Да. Он вошёл к тебе. Я осталась в коридоре. Потом надел куртку и ушёл с ними.

— Его увели?

— Я спросила, должен ли он идти. Он ответил: «За мной уже пришли».

За окном рабочий закрепил светильник. Трос дёрнулся, натянулся, остановился.

— Уведомление пришло на одиннадцатый день после той ночи, — продолжила Лиара. — Транспортная авария. Предположительно погиб. Я прочитала дату и сначала решила, что перепутали. По их бумаге он умер за два дня до того, как вернулся домой.

— Ты кому-нибудь сказала?

— Отправила запрос на уточнение. Меня вызвали. Показали ту же дату. Спросили, кто ещё видел Элдара. Сказали, что после такого известия память может…

Она не договорила. Кай отодвинул стул и сел. Теперь он смотрел на прихожую с другого места, почти оттуда, где четырнадцать лет назад стояла мать.

— Ты знала, что это неправда. Всё это время.

— Я знала, что он был дома.

— А мне говорила, что погиб.

Лиара села напротив. Рукав возле шрама потемнел от воды.

— Тебе было десять. Ты спрашивал у всех. У соседей, у учителя, у людей на станции, когда я брала тебя с собой. Я боялась, что однажды ты спросишь человека, который придёт сюда с таким же запросом. Уже о тебе.

Кай вспомнил, как мать перестала брать его на станцию. Тогда она сказала, что изменились правила допуска.

— Потом я вырос.

— Знаю.

Она не отвела глаз. Кай ждал продолжения, но его не было.

В кухне стало слышно, как за стеной работает вентиляция. На плите погасла лампочка нагревателя.

Лиара поднялась, ушла в комнату и вернулась с плоским металлическим ящиком. Кай знал его: документы на квартиру, старые медицинские выписки, отцовское свидетельство с серой полосой. Мать вытащила из-под бумаг конверт.

На фотографии Элдар стоял возле исследовательской станции. Худой, с непослушными волосами, с привычной неловкой полуулыбкой. За плечом виднелись бетонное сооружение, часть кольцевой конструкции и тёмная гряда вдали.

Кай помнил снимок. Когда-то он стоял на полке; потом Лиара убрала его в ящик. В детстве Кай больше смотрел на лицо отца. Теперь взгляд задержался на пустом пространстве за ним.

— Он оставил её в ту ночь, — сказала мать. — Просил сохранить для тебя. Если захочешь узнать, где он был.

— А ты спросила?

— Спросила. Он обещал рассказать потом.

Снимок оказался тяжелее, чем Кай ожидал. Края были тонкими, а в середине под бумажной поверхностью чувствовалась жёсткая плоская вставка. Он перевернул фотографию. На обороте осталась полоска клея от старого крепления; рядом проходила едва заметная вмятина.

— Она всегда такая была?

— Да. Я не стала ничего отрывать.

Кай провёл ногтем вдоль края. Подложка не поддалась. Он остановился: бумага у угла уже побелела на сгибе.

Внизу виднелись крошечные проколы. Раньше он принимал их за следы скобы. Теперь поднёс снимок к окну. Сквозь отверстия проступили светлые точки, слишком ровные для случайного повреждения.

— Ты разбиралась с этим?

— Пыталась. Считала, сравнивала с его записями. Пусто.

— Записи остались?

— Всё, что было дома, забрали. Эту фотографию не нашли. Я держала её в книге у твоей кровати.

Кай опустил снимок. Хотелось снова спросить, почему она молчала, но ответ уже лежал между ними, и от него не становилось легче.

Терминал подал сигнал. 12:48. До обязательной явки — пять часов двенадцать минут.

Мать посмотрела на экран, закрыла металлический ящик.

— Рюкзак достану.

Она прошла мимо него. Кай не обернулся сразу. Держал фотографию за края, боясь затереть проколы. Ни названия станции, ни даты на снимке не было. Он ещё раз посмотрел на отца, потом вложил фотографию обратно в конверт.

Лиара принесла рюкзак и старую куртку Элдара. Положила на стул две смены белья.

— Инструменты тяжёлые? — спросила она.

— Немного. Я отберу.

Кай взял коробку, выложил на стол всё, что носил с собой на работу. Подумал и вернул большой ключ в ящик. Мать молча расправляла рубашку рядом с его руками.

— Я не за отцом еду, — сказал он.

Лиара подняла глаза.

— Знаю.

Он хотел спросить, верит ли она, но до явки оставалось всё меньше времени. Конверт оставил на столе.

Глава 4. Терминал

Перед выходом Лиара в третий раз проверила карман рюкзака. Документы лежали сверху, зарядник — рядом с бельём. Сыр она переложила в плотный пакет, а фотографию Кай сам убрал во внутренний карман отцовской куртки.

— Здесь нитки, — сказала мать, показав маленький свёрток. — Иголка в бумаге. Не хватай рукой.

Кай кивнул. Лиара подала ему рюкзак, но тут же взялась за вторую лямку и помогла надеть. Он стоял к ней спиной, чувствуя, как она расправляет ремень у шеи.

— Мерсу я обещал, — сказал он.

— Попрошу, чтобы к нему зашли.

Он хотел объяснить про провод, напряжение и снятый кожух. Вместо этого записал на терминале три короткие строки и отправил матери. Она прочитала, сохранила.

В прихожей Кай задержался у двери. Лиара погасила свет на кухне. Когда подошла, он придержал ей рукав, чтобы тот не попал в замок. Они вышли вместе.

К пяти часам платформы подвесной линии переполнились. Люди со смены протискивались мимо тех, кто ехал на работу; кому-то мешал рюкзак Кая, и он снял его, поставил между ног. Лиара всю дорогу держалась за поручень рядом с ним. Отцовская куртка была велика в плечах. Пахла шкафом и старой кожей; у запястья потемнел след ремонта, которого Кай не помнил.

Восточный военный терминал занимал несколько кварталов. Уже на выходе со станции поток разделяли ограждения. У одной калитки пропускали родственников, у другой проверяли предписания. Над входом горело: «КАЛЬДЕР ЗАЩИЩАЕТ ИМПЕРИЮ». Механический голос просил приготовить идентификаторы и не останавливаться в проходах.

До встречи с Иланом оставалось десять минут. Кай нашёл на схеме восточный вход, но перед ним оказались ещё два одинаковых навеса. Он увеличил изображение.

— Здесь, — сказала Лиара.

Илан стоял у ограждения с матерью. Лена Варн прижимала к груди его сложенную гражданскую куртку; на самом Илане была другая, потоньше. Увидев Кая, он выпрямился и попытался улыбнуться.

— Оба раньше времени. Кроу бы оценил.

Лена поздоровалась с Лиарой, потом взяла Кая за локоть.

— Держитесь вместе. Что бы вам там ни говорили, сначала найдите друг друга.

— Нас могут в разные места, — сказал Илан.

— Тогда узнай, куда его. Орен уехал — я даже номера части сначала не знала.

Илан оглянулся на поток за воротами.

— Мам, давай потом.

— Какое потом? Двадцать семь дней ни слова.

Он резко повернулся к ней.

— Ты говорила восемнадцать.

Лена опустила глаза на куртку в своих руках.

— Сначала думала, у них связи нет. Потом решила дождаться ответа. Я тебе сказала не сразу.

Кай посмотрел на друга. Тот вытянул шею, будто ворот давил ему на горло.

— Ответ пришёл?

— Всё то же.

Лена потянулась поправить ему воротник, но Илан отступил на полшага. Тут же остановился и сам взял её за руку.

Дежурный у калитки позвал следующую десятку. Кай предъявил предписание. Ему выдали полоску с номером 7-Б и направили к досмотру; родственников отправили вдоль ограждения в другой зал. Лиара показала рукой: буду там. Он успел кивнуть, прежде чем между ними прошли люди.

Внутри пахло разогретым пластиком и мокрой одеждой. Под потолком висели указатели; часть стрелок закрывал рекламный экран с военным врачом. У медицинской рамки очередь почти не двигалась.

Бледный мужчина сидел на краю скамьи, положив ладони на колени. Перед ним на столе лежал небольшой футляр. Сотрудник в белом халате поверх формы держал его открытым, а невысокая девушка с короткими тёмными волосами стояла рядом со скамьёй, не давая очереди вытеснить мужчину к стене.

— Препараты сдаются, — говорил сотрудник. — Всё необходимое выдадут после прибытия.

— Когда после прибытия? — спросила девушка.

— В медицинском пункте учебного центра.

— Внесите тогда в карту, что у Меллера диабет и его инсулин остался здесь. И время внесите.

Сотрудник взглянул на неё.

— Вы родственница?

— Нет.

— Тогда отойдите от стола.

Девушка присела перед мужчиной.

— Меллер, документы на лекарство с вами?

Он кивнул, стал искать в нагрудном кармане. Бумага сложилась гармошкой в дрожащих пальцах. Девушка взяла её только после того, как он протянул, развернула на столе.

— Назначение есть. Позовите старшего медика.

— Вы врач?

— Фельдшер. Скорой помощи.

За спиной Кая кто-то потребовал двигаться. Он с Иланом отошёл, освобождая проход к соседней рамке, но продолжал смотреть. Девушка уже не спорила: держала бумагу на столе и ждала, пока сотрудник вызовет старшего. Тот прочитал назначение, задал Меллеру несколько вопросов и велел зарегистрировать препарат для перевозки. Футляр закрыли и вернули владельцу.

Девушка помогла Меллеру убрать его в сумку.

— До посадки посидите. Вон вода. Сейчас узнаем, где ваш медик.

— Она тоже в 7-Б, — тихо сказал Илан, посмотрев на полоску у неё в руке.

Кай подхватил упавшую со скамьи сумку Меллера. Девушка придержала мужчину за локоть, дала ему встать, и они вместе отошли от рамки.

— Сюда можно? — спросил Кай, показывая на свободное место у стены.

— Да. Только не под решётку, здесь дует.

Когда Меллер сел, Кай поставил сумку рядом с ним.

— Кай.

— Мира, — ответила девушка. — Спасибо.

В соседней очереди что-то звякнуло о металлический поддон.

Крупный мужчина с криво сросшимся носом смотрел на ложку, которую солдат отложил к изъятым вещам. На рукоятке темнели насечки. Мужчина протянул руку, но остановил её над краем стола.

— Этой ложкой дед в шахте тридцать семь лет ел. Потом отец. Потом я. Дай хотя бы запишу, куда забрать.

— Колющие и режущие предметы не допускаются.

— Ложка.

Солдат повернул поддон, подставляя его под следующую сумку. Мужчина придержал край.

Кай посмотрел на руки обоих. Солдат поднял голову. Несколько секунд никто не двигался, затем мужчина убрал ладонь.

— Квитанцию, — сказал он.

Ему указали на код у досмотрового стола. Он снял код на терминал, набрал название вещи и ещё раз посмотрел на поддон. Ложку уже закрыли чужим ремнём.

Свою сумку мужчина поднял одним движением. Возле Кая остановился, пытаясь убрать терминал в тесный карман.

— Корн. «Северная-4».

— Шахта? — спросил Кай.

Корн посмотрел на его руки:

— А ты ремонтник?

Кай потёр большим пальцем въевшееся под ноготь масло.

— Был. Третий цех.

— Я теперь тоже был. — Корн наконец засунул терминал. — Ложку верну — можно домой.

Он улыбнулся одним уголком рта и отступил к скамье, освобождая место следующему.

Сумку Кая просветили дважды. Сотрудник попросил открыть коробку с инструментами. Длинную отвёртку отложил, короткие ключи и плоскогубцы сверил со списком разрешённых вещей. Кай дождался, пока их отметят, и сам уложил обратно. Коробка стала заметно просторнее.

Отцовскую куртку пропустили через ленту отдельно. Конверт с фотографией пришлось достать. Сотрудник ощупал его край, заглянул внутрь и вернул Каю вместе с документами. Тот вложил снимок обратно, пригладил клапан. Сумку Меллера всё это время держала Мира; сам он сидел на скамье, закрыв глаза.

За досмотром стояли весы. На них Каю велели поставить рюкзак, потом выдали отметку о багаже. Он перечитал перечень вещей и убрал её к предписанию.

Высокий жилистый мужчина возле служебной двери смотрел на камеры. Когда дверь открылась, он отступил раньше, чем из неё вышел солдат с тележкой. Кай заметил это потому, что сам едва успел убрать рюкзак с дороги.

Илан проверил номер на своей полоске и подошёл к мужчине.

— Тоже седьмая «Б»?

— Да.

— Илан. Это Кай.

— Рей.

Рей говорил негромко. Вещей у него было мало: мягкая сумка и плоский чехол, на котором стояла отметка досмотра.

— Ты здесь бывал? — спросил Кай.

— Нет.

— Дверь открылась — ты уже отошёл.

Рей посмотрел на тележку, затем на мигающую лампу над дверью.

— Предупреждение видно.

Кай поднял глаза. С их места лампу почти закрывал указатель.

— Кем работал?

— Картографом.

По громкоговорителю вызвали 7-Б. Рей первым повернул к нужному проходу. Остальные пошли следом, но у следующего поста его остановили вместе со всеми и заново проверили документы. Кай видел, как он спокойно ждал, положив руки на сумку. Во дворе терминала собирались сумерки.

В 18:47 их направили переодеваться. На стене висела инструкция: гражданскую одежду сдать на хранение, личные вещи оставить при себе в пределах разрешённого списка. Под инструкцией стояли прозрачные пакеты. Полученные номера предлагалось сохранить до возвращения.

Кай вошёл в кабинку. Снял отцовскую куртку, положил на узкую полку. Под воротником обнаружился старый шов, аккуратный и мелкий. Он провёл по нему пальцем, потом достал конверт.

После досмотра фотография ничем не отличалась от других разрешённых вещей. Но Кай вспомнил руки человека у ленты, согнувшие угол конверта, и положил снимок на ладонь. На бумаге осталась новая складка.

Подкладка рюкзака отставала от спинки отдельным слоем. Кай достал иглу, распустил несколько стежков и просунул туда конверт. Снимок лёг ровно. Зашить было труднее: ткань скользила, в узком ушке не хотела держаться нитка. Он уколол палец, вытер его о внутренний край рубашки. За перегородкой Илан спросил, долго ли ещё.

— Минуту.

Кай сделал последние стежки и оборвал красную нитку. Короткий хвост убрал под подкладку. Прежде чем сложить куртку в пакет, записал номер хранения на обороте багажной квитанции.

Серая форма оказалась жёсткой на сгибах. Кай застегнул её, поднял рюкзак. На выходе сотрудник отсканировал пакет с одеждой и отправил его по ленте.

До посадки оставалось несколько минут. Родственники стояли за стеклом вдоль транспортного коридора. Люди с обеих сторон прижимались к нему, пытаясь найти друг друга сквозь отражения ламп.

Кай увидел мать не сразу. Лиара стояла дальше, возле тёмного простенка; её пропуск был спрятан в карман, руки пусты. Она подняла ладонь, когда он приблизился.

Он приложил свою напротив. Стекло было холодным.

Кай произнёс: «Позвоню». Она наклонилась ближе, не расслышав. Он показал на терминал, повторил. Лиара кивнула. Смотрела на него долго, переводя взгляд с лица на воротник новой формы. Кай хотел попросить прощения за то, как говорил дома, но губы не слушались.

Мать что-то сказала. Он разобрал только последнее: «Вернись».

В конце коридора вспыхнул номер группы. Сотрудник повёл людей к посадке. Лена Варн стояла у стекла на несколько шагов дальше и всё ещё держала в руках куртку Илана. Тот не сразу оторвался от перегородки.

Мира уточняла у сопровождающего, куда посадить Меллера, чтобы к нему мог подойти медик. Корн придерживал дверь, пропуская мужчину с костылём. Рей остановился у поворота и смотрел, как поток втягивается в узкий проход.

— Вся группа прошла? — спросил сотрудник у второго поста.

— Ещё идут.

Кай оглянулся на Лиару. Мать оставалась у стекла, и ладонь её всё ещё была поднята. Он поднял руку в ответ и повернул за остальными.

В вагоне Илан занял место у прохода. Напротив уже сидел Корн, придерживая сумку коленями. Кай поставил рюкзак между ботинками, нащупал через ткань твёрдый край конверта.

Двери закрылись. Несколько секунд поезд стоял неподвижно. Кай успел отправить матери короткое: «Сел». Возле сообщения появилась отметка доставки.

Потом вагон дрогнул. Экран терминала погас; когда Кай включил его снова, сети уже не было.

Глава 5. Номер вместо имени

Первые полчаса Кай держал терминал в руке. Экран оставался пустым, только возле последнего сообщения матери стояла отметка доставки. Он включал сеть, ждал и выключал снова. Наконец Илан показал свой экран: то же самое.

— Не трать заряд.

Кай убрал терминал. В тёмном оконном стекле отражались два ряда лиц, лампы и рука Корна на ремне сумки. Снаружи ничего не было видно. Иногда вагон наклонялся на повороте; тогда рюкзак между ботинками сползал, и Кай подтягивал его к себе.

Учебный центр находился в двухстах сорока километрах от Кальдера. Так было написано на схеме в терминале. Через час поезд всё ещё шёл. Кто-то у дальней двери спросил сопровождающего, скоро ли. Тот посмотрел на часы и велел сидеть на местах.

Меллер сидел через проход от Миры. На одной из остановок к нему подошёл медик; Мира передала запись, которую добилась в терминале, и осталась рядом, пока тот её читал. Потом вернулась на своё место. От воды в бутылке перед ней оставалось меньше половины.

Илан следил за ней взглядом.

— Ты его раньше знала?

Мира покачала головой.

— Тогда откуда фамилия?

— Спросила.

Она закрыла глаза и прислонилась затылком к перегородке. Илан повернулся к Каю, будто хотел что-то добавить, но передумал.

Корн вытянул ноги под свободное сиденье. На подошве ботинка белела пыль, которую не удалось сбить даже о ребро ступеньки.

— У нас автоматика раз девять часов дверь не открывала, — сказал он. — Сидели в перегонной камере. Вдвоём.

— Почему не открывала? — спросил Кай.

— Считала, что там ещё газ. Датчик уже поменяли, показания в норме, а она старую команду держит. И ручное управление с той стороны.

Кай посмотрел на запертую дверь вагона.

— Выход запасной был?

— На схеме. Под завалом. Мы с тем парнем до этого месяца два не разговаривали. К шестому часу почти друзьями стали.

Илан повернул голову:

— А к девятому?

— Опять перестали. Он последнюю лепёшку один съел.

Илан коротко рассмеялся. Корн устроил сумку под затылком, прикрыл глаза. Рей сидел через ряд, положив руки на колени, и смотрел перед собой. Когда поезд снова тронулся, он придержал чужую бутылку, покатившуюся по краю столика, и вернул её хозяину.

К центру подошли почти через три часа. На платформе было холодно. Людей выводили по номерам групп, проводили между ограждениями к освещённому корпусу. Кай вскинул голову, но за яркими лампами не разглядел ни звёзд, ни края крыши.

Внутри работало несколько одинаковых столов. У первого сверяли документы, у второго выдавали жетоны, дальше распределяли снаряжение. Рюкзак, который Кай снова приготовился открыть, только отметили в списке. Зато осмотрели швы выданной формы: мужчина перед ним получил другую куртку взамен порванной у плеча.

— Рейн Кай Элдарович. Сорок первый.

На стол легла металлическая пластинка с номером 7-Б-041. Кай прочитал, перевернул. Оборот был пуст.

— На шею. Следующий.

Илан получил сорок второй. Мира, прошедшая раньше, держала жетон с номером 038; Корну достался 045, Рею — 047. На панели над выходом стояло: «7-Б. Прибыло 50».

Кай отошёл к стене и стал разбирать ремни полученного снаряжения. Из соседнего ряда уже выпускали следующую группу. Сотрудники не повышали голоса, только пододвигали ящики и меняли листы на экранах. Человеку, который забыл номер своего стола, указали нужный ещё до того, как он успел спросить.

— Сорок первый, не задерживаем проход.

Кай поднял голову. Несколько секунд он искал того, к кому обращаются. Илан потянул его за лямку.

На плацу офицер сообщил порядок службы, ограничения связи и время подъёма. Гражданские профессии и статусы объявил временно приостановленными. Корн подался вперёд, чтобы лучше расслышать, и тихо спросил у Кая:

— Платежи по жилью тоже?

Офицер продолжал говорить. Корн подождал, потом посмотрел на свой жетон и спрятал его под воротник.

Мужчин повели в правое крыло казармы. У двери женской секции Мира остановилась вместе с несколькими другими женщинами. Меллеру медик велел остаться у поста: его должны были проводить отдельно. Мира убедилась, что тот услышал, и только после этого взяла свои вещи.

В коридоре их коротко подстригли, выдали постель и показали места. Кай поставил рюкзак в нижнюю часть шкафчика. Створка закрывалась только после сильного толчка. Он попробовал ещё раз, нашёл перекошенную петлю и поднял дверцу на несколько миллиметров. Замок щёлкнул.

— Мне тоже потом сделай, — попросил Илан сверху.

— Завтра.

Свет погас раньше, чем Кай натянул наволочку. Пришлось заправлять подушку на ощупь.

Долго скрипели кровати. Кто-то ходил к умывальникам, у входа шептались двое. Кай лежал на спине и слушал, как Корн перекладывает вещи в шкафчике. На шее под воротом мешал холодный жетон.

Илан свесил руку с верхней койки.

— Я тебе не всё про Орена сказал.

Кай повернулся на бок.

— Я сегодня от Лены услышал.

— Не про дни. Подразделение пропало. Всё. Четыреста с лишним человек.

Корн перестал двигать сумку. Где-то в дальнем конце казармы щёлкнул замок.

— Когда узнал?

— Несколько дней назад. Мама получила ответ. Там написано: «Местонахождение устанавливается». Тарн-Восемь. Они должны были сменить гарнизон, потом связь исчезла.

Кай опёрся на локоть. Илан говорил совсем тихо; пришлось придвинуться к краю.

— От последнего звонка до смены гарнизона могло несколько дней пройти, — сказал Кай. — Они могли ещё ехать.

— Знаю.

— Может, не все вместе.

— Я всё это уже придумал. И что аппаратура сломалась. И что у него терминал украли. И что он просто…

Илан втянул воздух, замолчал. Рука исчезла за краем матраса.

— Сегодня мать опять слова подбирает, а я на неё злюсь. Как будто она связь отключила.

Кай хотел сказать, что тоже злился на мать. Но причина была другой, и говорить это сразу показалось нечестным.

— Мне сегодня Лиара про отца рассказала.

Илан спустил ноги, осторожно сел на край нижней койки. Кай подвинулся. Он рассказал о той ночи, двоих у двери и дате аварии в уведомлении. Фотографию не достал: в проходе ещё ходили люди.

— Она его видела? — спросил Илан. — Сама?

— Да. Он был дома.

— После даты, когда погиб.

Кай кивнул, хотя Илан в темноте мог не увидеть.

Друг потёр ладонями лицо.

— Значит, и бумага ещё ничего не значит.

— Про Орена бумаги о смерти нет.

— Вот именно.

Илан посидел ещё немного, потом забрался наверх. Кай лежал, пока дыхание над ним не стало ровнее. Слова друга хотелось принять как доказательство. Он повторил про себя: отец возвращался; об Орене они пока ничего не знают. Ни одно не объясняло другого.

Кай достал рюкзак, сел спиной к стене. Красные стежки в подкладке едва различались при свете дежурной лампы. Он распустил край, вытащил конверт.

Проколы шли группами. Кай прикрыл ладонью лицо отца и пересчитал: три, промежуток, два, пять, три. Начал с другого края — получалось иначе. Он вернул снимок в прежнее положение. Четыре группы, как четыре части какого-то обозначения. Но возле отверстий не было ни стрелки, ни подписи.

Снаружи прошёл свет. Кай прижал фотографию к груди, переждал и вложил обратно в конверт. Рюкзак поставил у изголовья. Утром придётся снова зашить подкладку.

Глава 6. Белый свет

В 05:30 вспыхнули потолочные панели. Кай проснулся с ладонью на рюкзаке. Несколько секунд не мог вспомнить, зачем держит его возле головы. Потом сверху свесились босые ноги Илана.

— Подъём, седьмая «Б»!

В проходе кто-то ударился коленом о кровать. Корн сидел, придерживая ладонью затылок, и смотрел на лампы. Кай сунул рюкзак в шкафчик, проверил замок.

Умывались в длинном помещении с металлическими зеркалами. Вода шла короткими порциями, и каждый раз приходилось нажимать кнопку снова. Кай провёл мокрой рукой по коротким волосам. Илан стоял рядом; над левым ухом у него белел шрам.

— Откуда?

— С гаража прыгнул. Лет в двенадцать.

— Далеко?

— До соседнего не хватило.

Он наклонился к крану. Кай три года видел его почти каждый день и никогда не замечал шрама.

На плацу воздух пах мокрой землёй. Над стеной открывалось небо; дальний склон виднелся в разрыве между корпусами. Кай смотрел туда, пока кто-то не толкнул его локтем.

— Сорок первый.

Перед ним стоял сержант с седыми висками. На правой руке два пальца сгибались плохо: поправляя ремень, он помогал себе левой.

— Арн Тэвис. Запомнишь или ещё раз завтра знакомиться будем?

— Запомню, сержант.

— На меня смотри, когда обращаюсь. Вид не убежит.

Кай выпрямился.

Тэвис провёл их по территории, показал столовую, медицинский корпус и границу, за которую без сопровождающего выходить запрещалось. У каждой двери кто-нибудь задерживался, путал направление или задавал вопрос, на который уже отвечали. Сержант возвращался, повторял и ждал, пока последний не дойдёт до поворота.

Рей шёл в середине строя. Перед закрытой дверью в учебный зал он сместился к стене, оставляя проход; через несколько секунд из неё вывели другую группу. Кай заметил, что Тэвис посмотрел на него. Рей не поднял глаз.

После завтрака их повели на осмотры. Меллера в строю не было. Мира сказала, что его оставили под наблюдением; дальнейшее распределение решат медики.

Каю проверили зрение, лёгкие и кровь. Женщина за последним столом сверила карточку, попросила назвать родственников на государственной службе.

— Мать. Лиара Рейн, распределительная станция. Отец — Элдар Рейн. Работал в исследовательской экспедиции.

— Где сейчас?

Кай посмотрел на её пальцы над клавиатурой.

— По уведомлению погиб.

Она ввела имя. Открылось окно, другое, с тёмной полосой наверху. Женщина остановила руку, прочитала несколько строк и закрыла его.

— Что там?

— Сведения не относятся к осмотру.

— Вы его нашли?

Она перевела взгляд на Кая.

— У вас есть документы, меняющие указанные в личном деле сведения?

Он вспомнил конверт за подкладкой. Документом тот не был. От матери остался только рассказ, о котором он обещаний молчать не давал, но теперь ясно представил её у такого же стола.

— Нет.

Женщина открыла следующую страницу анкеты.

— Испытываете устойчивое недоверие к государственным институтам?

— Нет.

Она поставила отметку и отпустила его. Кай вышел в коридор, сел на скамью. Из кабинета вызвали следующего. Ни номера окна, ни его заголовка он не успел прочитать; сколько ни пытался восстановить в памяти, видел только тёмную полосу.

В столовой Корн пытался получить добавку. Дежурный показал на норму выдачи, Корн — на собственный поднос. Они постояли друг против друга и разошлись. Мира отодвинула к нему хлеб, который не съела.

— Я верну, — сказал он.

— Потом. Сядь, проход закрываешь.

Кай поставил поднос рядом. На предплечье Миры был свежий след от укола. Она пыталась открыть пакет с салфеткой; пальцы не сразу слушались.

— Помочь?

— Сама.

Пакет наконец разошёлся. Мира положила салфетку на колени.

— После прививки? — спросил Кай.

— После иглы. Не люблю, когда мне делают.

Он посмотрел на неё с таким удивлением, что она усмехнулась.

— Другим у меня лучше получается.

Кай подвинул к ней кружку, стоявшую на дальнем краю стола. Она поблагодарила и взяла её обеими руками.

На занятиях им выдали учебное снаряжение. Ремни натёрли плечи ещё до конца первого круга. Корн помогал подняться отстающим, пока Тэвис не велел ему беречь силы. На его предплечьях, открывшихся под съехавшим рукавом, виднелись белёсые пятна ожогов.

— Реагент прорвало, — объяснил он Каю на остановке. — Три года назад. Семеро в госпиталь. Один не вышел.

Тэвис дал команду дальше. Корн подтянул лямку, но на этот раз не стал подхватывать чужой мешок. Просто шёл рядом с человеком, которому помогал, и подсказывал, где ровнее ставить ногу.

Рей двигался с коротким, ровным шагом. На остановке первым делом ослабил ремень, потом проверил пятку. Кай стоял, навалившись на лямки, пока Илан не показал ему на застёжку:

— Сними. Мы не на спор.

К вечеру каждый подъём по ступенькам отдавался в ногах. Возле казармы Тэвис велел сесть и осмотреть стопы. Мужчина с номером 019 долго не мог расшнуровать ботинок. Кай сел рядом, придержал заевший язычок.

— Хасс, — представился тот. — С утра жмут. Думал, разносятся.

На пятке уже натёрло. Хасс посмотрел на неё, выругался без злости.

— Дочке такие же покупали. В смысле, тоже на вырост сэкономить хотели. Носить отказалась, пока не поменяли.

— Здесь размер меняют, — сказал Кай. — Вчера видел.

Тэвис, проходя мимо, велел Хассу явиться к дежурному после осмотра. Мужчина благодарно кивнул Каю и убрал ботинок под лавку.

Позже Кай нашёл у стены свободное место, откуда был виден склон. Мира подошла с кружкой воды, присела на край скамьи. Некоторое время оба молчали.

— Ты оттуда? — спросил он, показав за стену.

— Из Вейры. Дальше. Там поля до самой дороги. За домом родителей канава, потом опять поле.

— А в Кальдер как попала?

— Учиться. Потом осталась в Медицинском квартале. На скорой работала.

Из-за медицинского корпуса донёсся звук опускающихся ворот. Мира посмотрела туда, дождалась тишины.

— На первом выезде всё сирену в голове слышала, хотя уже выключили. Потом привыкла. К домам вот так близко друг к другу — до сих пор нет.

Кай попробовал представить их башню со стороны человека, который вырос среди полей.

— Я дальше промзоны не выбирался, — сказал он.

— Совсем?

Он покачал головой. Мира посмотрела на склон внимательнее, словно проверяя, что именно он там видит.

— Завтра на полигон поведут. Со стороны дороги стен не будет.

Кай поднял голову, но она уже смотрела на свои руки.

— Ты их боишься? — спросил он. — Стрельб.

— Да.

Ответ прозвучал так просто, что Кай не сразу нашёл, что сказать. Мира допила воду и встала.

— Я тоже, — сказал он ей вслед.

Она остановилась, кивнула и пошла к женской секции.

Перед отбоем Кай зашил подкладку рюкзака. Илан уже лежал наверху и молчал; со дня приезда у него так и не появилось новых сведений о брате. Кай не стал спрашивать снова. Проверил красную нитку, спрятал иглу. На завтра в расписании стояло: «Огневая подготовка».

Глава 7. Оружие

На второе утро после приезда их привели к оружейному складу. Хасс стоял через несколько человек от Кая. Ботинки ему поменяли; теперь он осторожно переносил вес на натёртую пятку и придерживал пальцами край рукава.

За решётчатой перегородкой тянулись стойки с R-12. Кай видел эти винтовки на экранах: на плече, поперёк груди, поднятыми над головой. Здесь они лежали по одной в углублениях стола. У той, которую подвинули к нему, на прикладе были две длинные царапины и буква «М» возле ремня.

Кай назвал номер, расписался за оружие. Кладовщик потребовал повторить последние цифры, и он прочитал их ещё раз, медленнее.

Тэвис дождался, пока группа отойдёт от окна выдачи. Взял одну винтовку, проверил и положил на стол. Несколько человек вытянули шеи, пытаясь разглядеть.

— Сейчас повторю каждому. Пока не покажете правильно, на рубеж не выйдете. Не поняли — спрашиваете. Забыли — спрашиваете ещё раз.

Кто-то сзади тихо засмеялся. Сержант посмотрел в ту сторону.

— Я тоже хочу вечером лечь спать. Без рапорта о том, кого вы задели.

Каю знакомые части механизма помогли удержать внимание. Он следил за рукой инструктора, замечал износ на поверхности, тёмный налёт возле соединения. Когда разрешили повторить проверку, он сразу потянулся к знакомому на вид фиксатору.

— Стой, Рейн.

Тэвис прижал его руку к столу.

— Сначала весь порядок. Ты сейчас уже решил, что разобрался.

Кай отнял пальцы. Под взглядом сержанта повторил проверку с начала. Тот не торопил и только после последнего действия отошёл к следующему.

На сухой тренировке Кай запоминал команды быстрее, чем нужное положение тела. Приклад упирался неудобно, мышцы плеча начинали болеть. Мира всякий раз после команды опускала оружие сразу, аккуратно возвращая его на стол. Корн долго подгонял ремень. Илан смотрел на мишень и перестал разговаривать.

Перед выходом Тэвис развернул схему местности и показал разрешённый сектор.

— На востоке противник — Леруанцы. Аргалийский Союз сохраняет нейтралитет. Маркировку на машине увидели — сначала сообщаете. Самостоятельных выводов по чужому значку не делаем.

— А если значок перекрасили? — спросил Илан.

— Поэтому сообщаете.

За воротами Кай сбился с шага. До самого дальнего холма не было ничего, что закрывало бы вид. Дорога уходила вниз, терялась в траве и появлялась снова. Небо над ней продолжалось в обе стороны; чтобы увидеть всё, приходилось поворачивать голову.

— Иди, — сказал Илан, едва не налетев на него.

Кай посторонился, пропуская Корна. Мира поравнялась с ним.

— Говорила же.

— У вас в Вейре так?

— Трава другая. И деревьев больше.

Он сделал ещё несколько шагов, глядя на край холма. Ветер принёс запах земли, которого на плацу почти не было слышно. Хотелось задержаться, но Тэвис уже собирал группу у навеса.

Стрельбы шли на двух соседних линиях. Своих мест ждали за ограждением, снаряжение проверяли инструкторы. Кай сел на скамью, положил винтовку, как велели. Из-за земляной насыпи донеслась первая серия. Он вздрогнул, хотя ждал выстрелов.

Хасс опустился рядом.

— Раньше стрелял?

— Нет.

— Я тоже. Думал, хоть в игрушки эти надо было с дочкой играть. У неё пистолет есть. Красный, на батарейке.

Он неловко улыбнулся. Кай хотел спросить, сколько ей лет, но их позвали на рубеж.

Первый выстрел толкнул в плечо. Кай успел увидеть землю перед мишенью и не понял, попал ли вообще. Тэвис остановился за ним, поправил положение, велел не торопиться. После следующего выстрела Кай ждал оценки, но сержант спросил:

— Сам что увидел?

— Ушло выше.

— Почему?

Кай не знал. Пришлось сказать. Тэвис показал, что нужно исправить, и дождался новой попытки.

У Илана получалось немного лучше. Корн после серии потёр плечо, посмотрел на мишень и попросил показать ещё раз. Мира слушала инструктора так внимательно, что не заметила, как Кай отошёл назад.

Рей сделал несколько выстрелов без пауз на подсказки. Тэвис посмотрел в оптику, потом подошёл к нему.

— Раньше служил?

— Не служил.

— А кто ставил?

— Отец. В охране работал.

Сержант задержался возле него, о чём-то спросил тише. Кай не расслышал. Рей ответил коротко и вернулся к проверке оружия. До обеда к нему больше не подходили.

После еды их снова собрали под навесом. Кай снимал с рукава присохшую травинку, когда на соседней линии хлопнул одиночный выстрел. Он поднял голову. Кто-то вскрикнул, затем сразу заговорили несколько человек.

— Не двигаться! Оружие на место!

Кай застыл с рукой на ремне. За ограждением лежал Хасс. Один человек отступал от него, не сводя глаз с земли. Винтовка была рядом, но Кай не видел, что произошло перед выстрелом.

Мира уже бежала к проходу. Тэвис остановил тех, кто двинулся следом, и громко вызвал медика. Инструктор соседней линии убирал людей назад.

Хасс пытался приподняться. Мира опустилась возле него и прижала руки к бедру. Кай увидел, как меняется цвет ткани под её ладонями, и не сразу понял, что ему кричат.

— Сумку! У стойки!

Он обернулся. Под навесом висела красная медицинская сумка. Кай снял её с крюка, пробежал через проход и поставил возле Миры. Молния заела на углу. Он потянул сильнее; рука Миры оттолкнула его пальцы, открыла карман сбоку.

Подошёл медик. Кай отступил, чтобы освободить место. Стоявший за ним Корн перехватил сумку, не дав ей опрокинуться. Илан убирал со скамьи чужие вещи, расчищая проход для носилок.

Хасс смотрел на Миру. Губы у него двигались.

— Я не хотел, — услышал Кай. — Я не…

— Смотри на меня. Сюда.

Мира говорила ровно, почти так же, как с Меллером в терминале. Кай стоял рядом и ждал, не понадобится ли ещё что-нибудь. Сержант взял его за плечо, отвёл к ограждению.

Машина подошла с обратной стороны насыпи. Пока Хасса переносили, из соседней секции ещё раздалась очередь. Затем и там прекратили огонь. Кай смотрел, как медик забирается вслед за носилками. Дверь захлопнулась.

Мира осталась стоять на коленях. Корн предложил ей руку. Она не сразу заметила, потом поднялась сама. На рукаве возле локтя темнело пятно. Рей принёс воду; она взяла бутылку, но не открыла.

Занятия их группы остановили. Велели сдать оружие на проверку и ждать распоряжения. Подходя к столу, Кай вдруг не смог вспомнить, всё ли сделал. Попросил инструктора проверить вместе с ним. Тот молча показал на место рядом с собой.

Свидетелей вызывали по одному. Кай сказал, где находился, какой услышал звук и что увидел, когда повернулся. Человек, записывавший показания, спросил, заметил ли он действия Хасса до выстрела.

— Нет.

— Нарушение команды видел?

— Я не видел, что он делал.

Сотрудник перечитал запись и дал подписать. Кай проверил обе строки, прежде чем приложить браслет.

В казарму вернулись к вечеру. На пустой койке Хасса лежало свёрнутое одеяло; у ножки стояли старые ботинки, которые он не успел отнести обратно. Новые увезли вместе с ним.

Кай сел напротив и только тогда заметил, что на ладони засохла чужая кровь. Он потрогал пятно, попытался стереть о ткань. Илан протянул ему мокрую салфетку.

Никто не знал, куда увезли Хасса. Дежурный отвечал: «В медицинскую часть». Мира ушла выяснять и вернулась перед ужином. Села за стол, подержала ложку над тарелкой и положила рядом. Кай не стал спрашивать при всех.

После еды на панели обновился состав группы. В углу стояло: «49». Илан приблизился к экрану, стал листать список. Строки 7-Б-019 не было.

— Может, перевели, — сказал кто-то за его спиной.

Илан не ответил. Вернулся к кровати и сел, упершись локтями в колени. Корн развернул выданную в столовой пластиковую ложку. По сгибу ручки пошла белая полоса; он перестал её гнуть, положил на тумбочку.

— Дежурный должен знать, — сказал Кай.

— Я спрашивал, — ответил Илан.

Кай всё-таки пошёл к посту. Там ему велели ждать официального сообщения. Он постоял ещё несколько секунд и повернул обратно.

У входа в медицинский корпус горело окно. Мира стояла в открытой умывальной возле приёмной. Кай увидел её через коридор и остановился у двери. Она подставляла ладони под воду, тёрла пальцы. На коже проступали красные пятна.

— Мира.

Она посмотрела на него через зеркало.

— Крови уже нет, — сказал Кай.

— Знаю.

Она нажала кнопку крана снова. Вода пошла тонкой струёй.

— Он умер, — сказала она. — Мне сейчас сообщили.

Кай прислонился к дверному косяку. Хотелось сесть, но скамья осталась в коридоре.

— По дороге?

Мира кивнула.

— Пока довезли… Ему операция нужна была. Сразу.

Она потёрла запястье, остановилась, посмотрела на руки так, будто только сейчас заметила, что делает.

— Запах остался.

Кай чувствовал только мыло и сырость. На полке лежало сложенное полотенце. Он взял его, протянул ей.

— Ты сделала всё, что могла.

Мира резко нажала на кнопку, остановив воду.

— Не говори так.

Он опустил руку с полотенцем.

— Не говори, пожалуйста. Я знаю, что ты хотел.

Кай кивнул. Повесил полотенце рядом с ней и остался возле двери. Через некоторое время Мира взяла его сама.

В приёмной передвинули стул, кто-то позвал дежурного. Она прислушалась. Кай подумал, что сейчас уйдёт туда, но Мира стояла, сжав полотенце между ладонями.

— У него дочь, — сказал он. — Утром рассказывал.

— Знаю. Всё просил ей сказать, что случайно.

Мира положила полотенце на край раковины. На белой ткани осталось мокрое пятно.

— Пойдём? — спросил Кай.

Она кивнула. По дороге к казарме они почти не говорили. У поворота к женской секции Мира остановилась, сказала «спасибо» и ушла. Кай не понял, благодарила ли она за сумку, полотенце или за то, что он наконец замолчал.

Илан ещё не спал. Когда Кай вошёл, он поднял голову. Кай покачал головой. Друг закрыл глаза, не задав вопроса.

С кровати Хасса убрали одеяло. Старые ботинки стояли на прежнем месте. Кай хотел отнести их дежурному, уже нагнулся, но так и не взял. Вернулся к своей койке и проверил, заперт ли шкафчик.

Утром снова предстояла огневая подготовка. Кай положил жетон поверх рубашки, чтобы не искать под воротником, когда назовут номер. Потом долго лежал, слушая, как в конце коридора включается и останавливается вода.

Глава 8. Учебный город

К концу первой недели Кай перестал смотреть на дату по утрам. До подъёма успевал открыть глаза, найти жетон и нащупать ботинки под кроватью. На стрельбах каждый раз просил проверить оружие вместе с ним, пока инструктор не велел проговаривать порядок самому. Кай проговаривал. Иногда начинал сначала.

Койку Хасса переставили к стене, освободив проход. Ботинки унесли. Никто не занял его место, но однажды Кай, вернувшись с занятия, уже не сразу нашёл, где оно было.

Мира на тренировках подходила к медицинской сумке прежде, чем ложился условно раненый. Проверяла карманы, замечала недостающие вещи, звала инструктора. Один раз тот сказал, что для упражнения хватит. Мира осталась стоять возле открытого кармана, пока он не принёс замену. На огневом рубеже у неё получалось всё увереннее. После занятий она снимала перчатки и долго разглаживала пальцами край манжеты.

Корн натёр пятку и попытался пройти с ней ещё один круг. Мира остановила его у поворота, велела снять ботинок. Он стал объяснять, что до конца осталось немного, но она уже звала дежурного. Кай отвёл глаза. В первый день он помогал другому человеку с такой же пяткой.

Илан приносил из столовой лишнюю салфетку, придерживал дверь, молча поправлял перекрученную лямку на рюкзаке Кая. Вечерами проверял сообщения, даже когда на экране не было сети. Иногда шутил, но теперь Кай заранее смотрел на его руки.

На восьмой день их привели в тактический симулятор.

За дверью оказался зал с высокими подвижными перегородками. Вдоль стены тянулись кабели, наверху на рельсах стояли проекторы. Работник центра проверял одну из панелей; из-за незакреплённого края виднелась обычная бетонная стена.

— Основа — старая городская съёмка, — сказал инструктор. — Повреждения, дым и огневые точки добавлены. Реальная улица не обязана выглядеть так же. Задача — найти раненого и вывести к точке эвакуации.

Тэвис распределил людей по пятёркам. Миру назначил отвечать за пострадавшего, Каю с Иланом велел заниматься техникой, Корну — переноской, Рею — маршрутом.

— До конца цикла этим составом. Запомните, кто что делает. Потом поменяем задачу, а не людей посреди прохода.

Над дверью загорелось название модели: «ТАРН-ВОСЕМЬ. СЕКТОР 14-К». Ниже мелко шёл номер сборки.

Илан перестал поправлять ремень. Кай подошёл ближе.

— Там, где пропал Орен?

— Город тот.

Он посмотрел на дверь, будто за ней могли оказаться ответы. Тэвис велел входить.

Свет изменился сразу. Над улицей висел дым, в выбитом окне дрожало пламя. Кай знал, что минуту назад видел проектор, но всё равно пригнулся после хлопка. Под подошвами хрустела крошка; за углом кто-то звал на помощь.

Рей показал рукой левее. Илан двинулся за ним, затем резко остановился у стены. Кай едва не налетел на него.

На облупившемся бетоне белел круг с тремя вертикальными линиями внутри.

— Иди, — сказал Кай. — Что там?

Илан не ответил. На соседней стене вспыхнул красный индикатор попадания. Прозвучал сигнал, и весь дым разом исчез. Проекторы погасли. Вместо улицы снова проступили перегородки.

— Стоим, — сказал Тэвис. — Сорок второй, что случилось?

Илан смотрел на пустую панель.

— Задержался.

— Это я видел. Что ты делал?

— Смотрел на стену.

Сержант подождал, но объяснения не последовало.

— Упражнение сначала. Сорок первый, ты идёшь перед ним. Если человек остановился, выясняешь и ведёшь дальше. Трое остальных тоже ждать вас под дверью не будут.

При втором проходе Кай держал Илана в поле зрения. Тот отвёл взгляд от круга и пошёл за Реем. Раненого нашли в лестничном проёме. Манекен был тяжелее, чем казался; Корн с Каем перехватили его, а Мира потребовала остановиться, когда рука зацепилась за ступеньку. Потеряли время, вернулись на шаг, освободили её. У точки эвакуации загорелась жёлтая отметка: опоздание.

На разборе Тэвис заставил их восстановить путь. Кай показал на схеме узкую лестницу.

— Здесь мы все полезли с одной стороны. Его повернуть было некуда.

Рей предложил другой выход. Мира указала, где человека с таким ранением нельзя было бы тащить волоком. Корн стоял, сжимая ремень, и слушал. На третий раз они прошли без остановки у стены, но ещё до сигнала Кай понял, что снова не укладываются.

Из зала вышли мокрыми. Илан дождался, пока Тэвис отойдёт, и позвал Кая к шкафчикам. На терминале открыл сохранённую фотографию.

Орен стоял возле бронемашины с четырьмя солдатами. За ними виднелись кусок стены, водосточная труба и белый круг с тремя линиями.

— Это не знак части, — сказал Илан, не дожидаясь вопроса. — У них другой. Я решил, что кто-то нарисовал.

Кай увеличил изображение. Возле круга от стены откололся длинный треугольный кусок штукатурки. Труба над ним огибала выступ.

— В модели тоже так было, — сказал он.

— Значит, четырнадцать «К».

Кай сравнил трубу и скол.

— Попросим показать ещё раз.

Они вернулись к инструктору. Кай попросил ещё раз показать участок, объяснив, что у них не сошлась схема обхода. Тот включил вид улицы с верхней точки. Название сектора осталось в углу экрана, а на стене различались и изгиб трубы, и скол.

— Эти изображения откуда? — спросил Кай.

— Городская служба снимала для карт. Из неё базу и собрали. А что?

— Там на бетоне знак.

Инструктор приблизил стену.

— Съёмка его захватила. Объект для упражнения не важен. Вам нужен выход с другой стороны.

Он вернул схему. Кай запомнил положение стены относительно перекрёстка. Сфотографировать экран не разрешили.

Возле казармы Илан ещё раз открыл снимок брата.

— Теперь есть где искать.

Кай кивнул. Илан всё ещё держал экран открытым; уходить в казарму не торопился.

Вечером Кай положил фотографию Элдара на колени, заслонив её от прохода. Проколы оставались теми же. Он попробовал найти на заднем плане белую отметку, но там не было ни круга, ни похожей стены. Только кольцевая конструкция и далёкая гряда.

Рей вошёл, когда Кай ещё держал снимок. Замедлил шаг, затем прошёл к своей койке.

— Ты бывал в Тарн-Восемь? — спросил Кай.

Рей поставил сумку в шкафчик.

— Нет.

— А в четырнадцатом «К»?

— Сегодня был.

Кай не улыбнулся. Рей посмотрел на фотографию, теперь прикрытую ладонью.

— Я не об упражнении.

— Я понял. Не был.

Он застегнул шкафчик, отвернулся. Кай ждал ещё несколько секунд. Ответ прозвучал ровно; пауза перед ним могла значить что угодно. И всё-таки он вспомнил закрытое окно в медицинском кабинете и то, как сам выбирал короткое слово, после которого от него отстали.

Позже Илан спросил сверху:

— Если отправят туда, поможешь найти стену?

— Если отправят.

— Я понял.

— Помогу.

Кай убрал конверт за подкладку, сделал несколько стежков и спрятал иглу. На завтра им назначили ещё один проход по тому же маршруту. Он попытался вспомнить, где надо было повернуть носилки раньше, чтобы не застрять у лестницы.

Глава 9. Голос из дома

На десятый день после ужина открыли связь с домом. В коридоре возле кабин сразу стало тесно. Люди сверяли очередь, смотрели в тёмные экраны, повторяли номера, которые давно знали наизусть. Корн вышел из казармы с бумажкой в ладони: на ней было несколько строк, написанных крупно.

Каю полагалось семь минут. Перед входом он прочитал предупреждение о записи разговора, хотя видел его и с другого конца коридора. Над экраном горел красный индикатор.

Лиара ответила не сразу. Сначала появилась кухня, потом край её рукава. Она придвинула стул и села так близко, что Кай увидел выбившуюся седую прядь у виска.

— Ты меня слышишь?

— Да. Привет, мам.

Она смотрела на него, не отвечая.

— Кай, тебя плохо кормят?

Он засмеялся раньше, чем понял, насколько хотел услышать именно её голос.

— Нормально кормят. Бегаем много.

— Спишь?

— Сплю. Илан со мной.

— Я с Леной говорила. Знаю. Покажи, как тебя подстригли.

Он повернул голову. Мать поморщилась, и Кай улыбнулся уже без усилия. На столе рядом с ней стояла его чашка. Внутри лежали мелкие винты от кухонной дверцы.

— Шкаф всё ещё стучит?

— Привыкла. У Мерса тепло дали. По твоей записи посмотрели, там контакт поправили.

— Кожух поставили?

— Поставили. Он спрашивал о тебе.

Кай опустил глаза на столик перед экраном. Вчера ему казалось, что нечего будет рассказывать. Теперь хотелось спросить обо всех сразу: о Лесте, работе матери, девочках с потерянным браслетом. Вопросы теснились, и он начал говорить о центре.

Рассказал про поезд и шкафчик, который пришлось чинить, про Корна, не умещавшегося на сиденье. Про то, что Мира раньше работала на скорой. Сказал, что учатся тяжело, но Тэвис повторяет, если не понял с первого раза.

О Хассе не рассказал. Когда Лиара спросила, никто ли не заболел, Кай сказал только, что здесь есть медицинский корпус.

— А у тебя? — спросил он. — На работе как?

— Нормально.

Она отвела глаза к окну. Кай ждал, пока задержка на линии не пропустит следующие слова, но мать молчала.

— Мам.

Лиара разгладила ладонью край скатерти.

— Приходили из администрации. Три дня назад.

Кай посмотрел на индикатор над экраном.

— На станцию?

— Домой. Один человек. Я сначала подумала, по твоим документам. Уточнял, когда уехал, какие вещи взял.

— Удостоверение показал?

— Показал. Внутренняя администрация. Номер не успела посмотреть.

Лиара произносила слова раздельно, будто боялась, что связь их проглотит.

— Он что-нибудь забрал?

— Нет. Спросил про старые бумаги. Про вещи отца.

Кай сжал край столика.

— Фотографию…

Мать подняла глаза прямо на него.

— Которая на стене? Висит. Никто её не трогал.

Он замолчал. На кухонной стене у них действительно висел старый семейный снимок, другой. Лиара посмотрела чуть выше его лица, туда, где на её экране тоже должно было гореть предупреждение.

— Хорошо, — сказал Кай. — Я только спросил.

— Потолок у окна опять мокнет. Если напишут, что проверяли и всё устранили, не верь. Я заявку сохранила.

Кай кивнул. Они говорили о протечке, а он пытался вспомнить, что было видно в его шкафчике, когда последний раз открывал рюкзак. Сыр, инструменты, конверт, которого снаружи не разглядеть. В тот вечер Рей стоял рядом и смотрел на фотографию.

Таймер перешёл на последнюю минуту. Лиара подалась вперёд.

— Я после нашего разговора всё думала, — сказала она. — Как ты там ушёл.

— Мы вместе ушли.

— Ты понимаешь.

Он посмотрел на её руку. Она лежала на том же месте стола, где он накрывал её своей ладонью.

— Я не должна была столько лет решать за тебя, — сказала мать. — Хотя мне до сих пор хочется. Даже сейчас.

Кай открыл рот, но слова не пришли.

— Только если чего-то не знаешь, не делай вид, что уже понял. Сначала узнай. Пожалуйста.

До конца оставалось двадцать секунд.

— Мам, я люблю тебя.

Лиара кивнула, прижав пальцы к губам.

— И я тебя. Ты возвращайся.

— Я постараюсь. Позвоню, как разрешат.

Она ещё что-то сказала, но звук оборвался. Экран потемнел, и в нём появилось лицо Кая. Он некоторое время сидел, потом встал, уступая место следующему.

Илан ждал в коридоре. Кай решил было, что тот ещё не говорил с матерью, но друг показал ему уведомление, сохранённое на личный терминал во время разрешённого сеанса.

«ОРЕН ВАРН. СТАТУС ИЗМЕНЁН: ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ».

— Сегодня утром прислали, — сказал Илан. — Наконец решили, как назвать.

Он прокрутил документ вниз. После строки со статусом шли номер обращения и подпись ведомства. Места не было.

— Я спросил, что это меняет. Мать говорит: теперь хотя бы заявление примут по другой форме.

Кай стоял рядом. Из кабины за их спиной донёсся смех, потом кто-то громко сказал ребёнку подойти поближе к экрану.

— Я ей сказал, что найду, — продолжил Илан. — Не надо так смотреть. Сам знаю.

— Я ничего не говорю.

— Скажи лучше, ты запомнил маршрут в симуляторе?

— Запомнил.

— Тот поворот за стеной. Там дальше спуск?

— В модели. Мы не знаем, что сейчас на месте.

Илан кивнул. Убрал терминал, снова достал, открыл фотографию брата.

— Хоть одно место есть. Я раньше весь город себе представлял. Куда ни посмотри — он мог быть там.

Кай сел на скамью. Илан остался стоять, потом опустился рядом. Они ждали, пока коридор не опустел.

В казарме Корн перечитывал свою бумажку. Две строки были зачёркнуты. На вопрос Илана, всё ли нормально, кивнул и убрал лист в карман. Кай не стал подходить к шкафчику, пока люди не разошлись.

Когда остался один возле своей койки, он проверил шов рюкзака через ткань. Доставать фотографию не стал. На терминале открыл сообщение «Сел», отправленное десять дней назад, и посмотрел на отметку доставки. Теперь рядом с ней лежала запись времени сегодняшнего звонка.

Глава 10. Машины войны

На двенадцатый день их привели в технический ангар. Кай почувствовал запах смазки ещё у двери. Внутри стояли машины со снятыми панелями; вдоль стены лежали запасные колёса, под одним из столов собиралось масло в плоском поддоне. Он задержался у него, посмотрел вверх, откуда капало.

— Потом, сорок первый, — сказал инструктор. — Сначала сюда.

Перед ними стоял шестиколёсный «Вектор-6». На корпусе белели свежие цифры. Возле нижнего люка краска стёрлась до металла.

Илан обошёл машину, заглянул в открытую панель. Кай давно не видел, чтобы он так внимательно смотрел на что-то, кроме фотографии брата.

— Диагностику можно? — спросил Илан.

— Когда дойдём. Сейчас слушаете оба.

Инструктор показал им схему, потом велел найти те же блоки на машине. Кай нашёл нужный отсек и остановился: к одному из креплений можно было подлезть только сбоку, почти вслепую.

— Его как снимать?

Инструктор показал короткий ключ.

— А если закусит?

Тэвис, проходивший мимо, присел у панели.

— Тогда будешь вспоминать человека, который это спроектировал. Ещё до того, как начнёшь снимать броню.

Кай повернул голову. Сержант ткнул в схему, где узел изображался без всего, что мешало добраться до него в настоящей машине.

— На бумаге удобно. Поэтому учим здесь.

У учебного стенда они отрабатывали аварийный запуск. Илан попытался пройти проверку быстро, но на панели остался красный индикатор. Пришлось вернуться к началу и выяснять, какой из допусков не подтвердился. Кай держал схему, сравнивал обозначения; инструктор стоял рядом и не подсказывал.

Когда двигатель наконец заработал, оба сразу посмотрели на показания, потом друг на друга.

— Две минуты потеряли, — сказал Илан.

— Пять, — поправил инструктор. — На исправной машине. Повторяем.

На второй раз Кай перестал торопить его. На третий они поменялись местами. Илан назвал ошибку, которую Кай уже собирался пропустить. Пришлось снова раскрыть контрольный список.

Вождение назначили на следующий день.

Корн сел за управление первым. Машина тронулась плавно, прошла прямой участок и задела ограничитель на повороте. Инструктор велел остановиться. Корн остановился, посмотрел в боковой обзор, попробовал ещё раз и слишком поздно выровнял колёса. Правый борт качнулся к канаве.

Кай ухватился за поручень. Инструктор вмешался, вернул машину на площадку и потребовал заглушить.

Некоторое время было тихо. Потом Корн сказал:

— Шахтная тележка честнее. У неё хотя бы видно, где рельсы.

Илан фыркнул. Корн посмотрел на него, сам усмехнулся и сдвинулся, освобождая место следующему. Инструктор оставил его рядом: велел смотреть на габариты с другого сиденья, потом попробовать заново.

Рей повёл «Вектор» спокойнее. Не спрашивал, где повернуть, но остановился у непривычной панели и выслушал объяснение. Кай наблюдал за его руками. Во время остановки рукав задрался; на внутренней стороне предплечья виднелся светлый прямоугольный след. Кай успел заметить ровный край, прежде чем Рей натянул ткань обратно.

След мог остаться от повязки или старого крепления. Кай вспомнил, как тот отвечал Тэвису у мишеней, и отвернулся к окну. Расспрашивать его в машине, где сидели ещё четверо, не хотелось.

За бронестеклом тянулись поля. На дальнем склоне стояла ферма; между двумя строениями качалась длинная труба поливальной установки. Мира, сидевшая рядом, подняла голову.

— На Вейру похоже? — спросил Кай.

— У нас холмы выше. Вон та ферма — почти. Только у нас крыши красили в зелёный.

Он посмотрел ещё раз, пытаясь представить другой цвет.

На остановке им дали время проверить крепления груза. Мира перебирала учебную медицинскую сумку, сверяя перечень. Вместо настоящего препарата в одном кармане лежала пустая упаковка с крупной отметкой. Она вынула её, проверила название и вернула так, чтобы было видно край.

— Опять не хватает? — спросил Кай.

— Здесь всё есть. Учебное.

Он придержал створку отсека, пока она затягивала ремень. После симулятора Кай уже знал, как быстро сумка может перевернуться, если положить её неудобно.

— Дома один медицинский пункт был, — сказала Мира. — На весь городок. Три тысячи человек. Отец животных лечил, мать биологию преподавала. Мне казалось, если в Кальдер уеду учиться, потом смогу вернуться и всё там наладить.

Кай посмотрел на неё.

— Ты в академии училась?

— Два года. Потом ушла.

Он держал створку и ждал. Мира не смотрела на него, поправляла край упаковки под ремнём.

— Сестра заболела. Сея. Ей двенадцать было. Там инфекция началась, препарат нужен был. Лечилось, если вовремя. Поставку перенаправили.

За машиной Корн разговаривал с инструктором. Слышно было, как тот ещё раз объясняет поворот; Корн переспрашивал, показывая что-то рукой.

— Когда привезли, уже поздно, — продолжила Мира. — Я вернулась после похорон. Села на лекции. Там про распределение ресурсов рассказывали, про эффективность. Всё правильно было на схеме. Только я всё ждала, где на ней будет Сея.

Кай опустил взгляд на её сумку. Вспомнил бумагу на столе у медицинской рамки, которую она не убирала, пока не вызвали старшего.

— Поэтому скорая?

Мира кивнула.

— Доучилась по другой программе. Хотела работать, чтобы уже можно было что-то сделать, а не ещё ждать. Не всегда выходит.

Кай хотел сказать про Хасса, но Мира сама посмотрела на его руки.

— Держишь?

Он крепче взялся за створку. Она проверила крепление, убрала сумку и защёлкнула замок. Кай отпустил только после её кивка.

На обратном пути Корну снова дали управление. Он прошёл тот же поворот медленно, с остановкой, и не задел ограничитель. Илан тихо хлопнул ладонью по сиденью. Корн, не отводя глаз от дороги, показал ему большой палец.

Возле въезда в центр колонну задержали. Кай смотрел на низкое солнце через узкое окно, пока инструктор сверял разрешение у поста. За дорогой уходила в поле грунтовая колея. Кай проследил её до посадок. Дальше обзор закрывал край бронестекла.

— Проезжаем, — сказали впереди.

Он откинулся на сиденье. Колея осталась за спиной.

Вечером Илан попросил у него схему аварийного запуска: хотел переписать обозначения до следующего занятия. Кай достал тетрадь. Между листами лежал черновой маршрут из симулятора, нарисованный после разбора. У одного перекрёстка Илан поставил точку — там, где на фотографии стоял Орен.

Кай переложил лист глубже, открыл чистую страницу и подвинул тетрадь другу. На панели в проходе всё ещё висело расписание на завтра.

Глава 11. Приказ

Утром четырнадцатого дня расписание исчезло. Кай ещё вечером смотрел на него, переписывая обозначения со схемы «Вектора». Теперь на чёрном фоне стояло: «ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ 7-Б. ПОДГОТОВКА К ПЕРЕМЕЩЕНИЮ. ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ УПАКОВАТЬ ДО 07:30».

Илан спустил ноги с верхней койки и долго сидел, держа ботинок за пятку.

— Нам же ещё эвакуацию сдавать.

Кай перечитал приказ. Направления не было. Время упаковки, номера очередей на складе, требование сдать учебное имущество — всё остальное поместилось на одной странице.

Корн вытащил сумку, попробовал уложить в неё полученное снаряжение. Не хватило места. Он выложил всё на кровать и начал заново.

Рей уже стоял у шкафчика с затянутыми ремнями. Кай посмотрел на его кровать: одеяло лежало свёрнутым, подушка сверху.

— Ты когда успел?

— Вчера часть убрал.

— Знал?

Рей поднял голову.

— Люблю собирать вещи вечером.

Кай посмотрел на свой рюкзак. Он сам почти не доставал из него то, что не требовалось каждый день. Ответ ничего не доказывал, но от этого не стал приятнее.

В коридоре спрашивали, всем ли приказано уезжать. Кто-то возвращался к панели проверить фамилии, хотя их там не было. Дежурный повторял номер группы и время построения. Из женской секции вынесли мешок постельного белья, следом показалась Мира. Поставила сумку на скамью, развернула перечень медицинского имущества.

— Склад уже открылся? — спросила она.

Корн показал на очередь в конце коридора. Мира посмотрела на часы и ушла туда.

На плацу Тэвис дождался, пока последний встанет в строй.

— Подготовка сокращается. Переводят на Восточный резервный узел. Погрузка имущества сегодня. Отправление завтра до рассвета.

— Это фронт? — спросили сзади.

— Резервный узел. Дальнейшее назначение получите там.

— Мы готовы?

Тэвис повернул голову к говорившему.

— Полную программу вы не прошли. Это и запишу.

По строю прошёл шорох. Сержант подождал.

— Сейчас проверим то, что успели. Где не получается, говорите сразу. В дороге второй учебной машины рядом может не быть.

Он назвал места сбора и велел представителям учебных групп получить ведомости. Рей шагнул вперёд вместе с другими. Кай проводил его взглядом.

Пятёрку снова собрали у ангара. В ведомости рядом с их номерами стояли знакомые обязанности: маршрут, медицинская помощь, техника, переноска. Тэвис вычеркнул название следующего учебного занятия, поставил подпись под перечнем проверенных навыков.

— Так и поедем? — спросил Илан.

— В составе учебной команды. Кого куда поставят на узле, я не решаю.

Сержант протянул лист Рею и задержал его руку, пока тот не прочитал замечание внизу.

— Маршрут эвакуации не прошли в норматив. Это тоже здесь. Не потерять.

Рей кивнул, вложил ведомость в чехол. Кай почему-то почувствовал облегчение, увидев эту строку. В списке оставалось то, что у них действительно не получилось.

До обеда сдавали учебное имущество, после обеда проверяли выданное взамен. На столе перед Каем разложили снаряжение, назвали номера. Он повторил их. Полученную винтовку держал отдельно, пока инструктор не закончил проверку.

Мира вернулась со склада с неполным комплектом. Вместо одного пакета выдали другой. Сотрудник показал на отметку о замене; она прочитала её, переспросила, где получить недостающее. Разговор затянулся. Корн взял часть её груза, чтобы она могла вернуться к окну выдачи.

Когда Кай отнёс последние вещи к машине, Тэвис остановил его у ворот ангара.

— Если в списке не то, что выдали, исправляешь до подписи.

— Мира исправляет.

— Я вижу. Говорю тебе. Потом будешь искать неисправность, которой по бумаге нет, и потеряешь время.

Кай посмотрел на сержанта. Тот стоял близко; на руке возле ремня белел старый рубец.

— А если не разрешат исправить?

Тэвис помолчал.

— Просишь записать, что сообщил. И запоминаешь, кто принял.

— Это помогает?

— Иногда. Работать всё равно придётся с тем, что дали.

Его позвали с другой стороны ангара. Сержант коротко кивнул Каю и ушёл. Тот ещё раз проверил свою ведомость.

Вечером вещи уже стояли у кроватей. Илан сел на край койки, снял ботинок и потрогал пятку. Кай подождал, пока он отвернётся, достал конверт из подкладки.

После звонка матери хотелось рассмотреть фотографию так, чтобы наконец найти что-нибудь определённое. Название, номер станции, знакомую деталь. Кай поднёс снимок к дежурной лампе. Сквозь проколы прошёл свет. Несколько отверстий приходились на кромки сооружений, одно — на тёмный край гряды. Он опустил снимок, проверил снова.

Дырочки располагались слишком аккуратно для следов крепления. Но аккуратность ещё не говорила, что именно оставил отец: обозначение, измерение или просто последовательность чисел. Кай попытался представить, как тот сидит с иглой над фотографией. Почему не написал словами?

— Где это?

Рей остановился у соседней кровати. Кай прикрыл снимок конвертом.

— Не знаю.

— На станцию похоже.

— Я тоже вижу.

Рей взял с полки ремень. Кай удержал конверт на коленях.

— А Тарн-Восемь ты бы узнал?

Рей затянул пряжку.

— Мы уже говорили.

— Ты сказал, что не был. А я спросил, узнал бы или нет.

— По одной стене — вряд ли.

Кай посмотрел на него. Ответ снова оставлял место для чего угодно.

— Если знаешь что-то, что нам пригодится, лучше скажи до приезда.

Рей убрал ремень в сумку.

— Когда получим маршрут, сверим. Сегодня нам дали только номер узла.

Он не обещал рассказать о себе. Кай не стал повторять вопрос. Вложил фотографию в конверт, убрал за подкладку. Прежде чем зашивать, проверил, не осталась ли снаружи белая кромка.

Ночью в казарме долго не гасли личные экраны. Связь на отправку открыли ненадолго; Кай написал матери, что переводят, но куда дальше — ещё не знает. Сообщение ушло. Ответа до закрытия сети не было.

Он лёг, оставив ботинки так, чтобы утром не искать. Из-под соседней кровати торчал край сумки Корна. Кай убрал его с прохода и закрыл глаза. До подъёма оставалось меньше четырёх часов.

Глава 12. Восточный коридор

Отправление началось в темноте. Прожекторы освещали ворота, колёса и пар у выхлопных труб. За первой машиной стояла следующая, потом ещё; дальний конец колонны терялся за ангаром. Люди подходили к транспортам по спискам. Дежурный ставил отметку, указывал место и звал следующего.

Кай остановился у «Вектора», заглянул внутрь. За управлением сидел незнакомый военный. Кивнул на скамью у борта:

— Вещи под ноги. Проход оставить.

Кай закрепил винтовку в держателе у борта и поставил рюкзак между ботинками.

Рей предъявил ведомость пятёрки, получил маршрутный лист и забрался следом. Мира устроила медицинскую сумку так, чтобы не пришлось вытаскивать из-под чужих рюкзаков. Корн придержал её, пока она затягивала ремень. Илан сел рядом с Каем.

После переклички двери закрылись. Машина ещё несколько минут стояла с работающим двигателем. По связи называли номера, давали короткие команды. Потом скамья под Каем дрогнула.

Через окно он увидел плац и полоску освещённой дорожки к казарме. У поворота стоял Тэвис, разговаривал с человеком у последнего поста. Кай попытался разглядеть его лицо, но машина уже вышла за ворота.

Утренний свет застал их среди складов и электростанций. Строения редели. Дорога поднялась на длинный пологий склон; за ним раскрылись поля, разделённые линиями посадок. Кай повернулся к окну всем корпусом.

Равнина была не похожа на ту, что лежала за полигоном. Здесь текла река, вдоль берега тянулся посёлок, дальше виднелся мост. Над отдельными домами поднимался дым. Между ними можно было пройти, ни разу не упершись в стену.

— Всё смотришь, — сказал Илан.

Кай не сразу понял, что обращаются к нему.

— Мы уже мимо трёх таких проехали.

— Они разные.

Мира наклонилась, чтобы увидеть посёлок с его места.

— Там, наверное, вода по весне до домов доходит. Вон берег низкий.

Кай посмотрел снова. Он заметил дым, крыши, блеск реки. О том, что она может разлиться, даже не подумал.

Мира показала на длинную полосу гравия у крайнего дома, но поворот закрыл берег. Кай ждал, не откроется ли он опять.

На первой остановке им разрешили выйти размяться. За ограждением дороги лежала мокрая трава, дальше начиналось поле. Кай прошёл к краю площадки, пока водитель не окликнул: за полосу не выходить. Он остановился возле белого столбика.

Рей развернул маршрутный лист на броне. На нём были отмечены контрольные пункты и запасные направления. Кай подошёл с другой стороны.

— Это уже фронт?

— Нет. Здесь коридор снабжения. Узел дальше.

Рей показал следующий рубеж. Севернее на общей карте серым обозначался Аргалийский Союз.

— До их границы далеко?

— Отсюда меньше тысячи километров. По прямой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.